

ИСТОЧНИКИ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ

(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ОБ ИСТОЧНИКАХ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ XII ВЕКА)

В. И. Панова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 августа 2011 г.

Аннотация: рассматриваются мнения ведущих российских исследователей (А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, Н. Г. Бережкова и А. Н. Насонова) об источниках Южнорусского летописного свода конца XII в. в составе Ипатьевской летописи.

Ключевые слова: Ипатьевская летопись, летописный свод 1198/99 г., галицко-волынские, черниговские, владимирские (ростово-суздальские), киевские источники летописного свода, Михайловский Выдубицкий монастырь.

Abstract: the article looks at opinions of the leading Russian scholars (A. A. Shakhmatov, M. D. Priselkov, D. S. Likhachev, N. G. Berezhkov and A. N. Nasonov) on the sources of the South-Russian Compiled Chronicle of the late XII century as part of Ipatievskay Chronicle (letopis).

Key words: Ipatievskay Chronicle, Compiled Chronicle of 1198/99, sources of the Compiled Chronicle: Galitsk-Volynsk, Chernigov, Vladimir (Rostov-Suzdal), Kiev, Mikhailovskiy Vydubitskiy monasteries.

В составе Ипатьевской летописи (ИЛ) принято выделять три основные части: Повесть временных лет, Южнорусский летописный свод конца XII в., или свод Рюрика Ростиславича 1198/99 г., и Галицко-Волынскую летопись. В настоящей статье речь пойдет о второй части ИЛ, именно ее источниковой основе, как она рассматривалась в трудах А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, Н. Г. Бережкова и А. Н. Насонова.

А. А. Шахматов считал, что ИЛ состоит из двух летописей – Киевской и Галицко-Волинской, объединенных в одну механическим путем. При этом он разделял Киевскую летопись на ПВЛ и Южнорусский летописный свод конца XII в. Источники ИЛ А. А. Шахматов делил на основные и вспомогательные. К основным источникам Южнорусского летописного свода конца XII в. он относил Киевскую летопись. По месту составления Киевской летописи – в Михайловском Выдубицком монастыре – А. А. Шахматов называл ее также Выдубицкой летописью и, ссылаясь на статьи 1173, 1174, 1180, 1183, 1185, 1187, 1190, 1192, 1194, 1197 и 1198 гг., считал «пристрастной к Рюрику» [1, с. 70–71]. Анализ статей 1168, 1170, 1171, 1174 и 1182 гг. привел ученого к выводу о том, что в числе источников выдубицкий летописец использовал также Печерскую летопись, которую исследователь называет «другим основным источником Ипатьевской летописи» [1, с. 71].

Дальше общей характеристики основных источников Киевского свода, сохранившегося в ИЛ, А. А. Шахматов не пошел, ограничившись разбором его начальной части, именно первой редакции ПВЛ, составленной Сильвестром в бытность его игумена в Михайловском Выдубицком монастыре, и статей 1110–1117 гг., включенных в ИЛ продолжателем «труда сильвестрова», который был, по А. А. Шахматову, составителем второй редакции ПВЛ [1, с. 80–102].

С мнением А. А. Шахматова о том, что ИЛ является Южнорусским сводом, в основании которого лежит Киевский свод 1198/99 г., согласились все последующие исследователи русских летописей, пытаясь конкретизировать выводы ученого.

А. А. Шахматов выделял в составе ИЛ три вспомогательных источника летописного свода конца XII в. Прежде всего, он называл Галицко-Волынскую летопись, с которой связывал в составе Южнорусского свода конца XII в. статьи 1122, 1144, 1145, 1146, 1149, 1150, 1165, 1173, 1187 и 1190 гг. [1, с. 72]. Вторым дополнительным источником он считал Черниговскую летопись, сочувственную Ольговичам, и относил к ней статьи 1142, 1147, 1164, 1167, 1173, 1174, 1175, 1177, 1179, 1185, 1186, 1187, 1191, 1194, 1196 и 1198 гг. [там же]. Четвертым источником ИЛ от ПВЛ до 1199 г., или третьим вспомогательным, по А. А. Шахматову, был Владимирский свод, к которому «восходит добрая половина ее текста». Владимирский источник, по А. А. Шахматову, попал в ИЛ (статьи 1120, 1126, 1146, 1147, 1151, 1154, 1158, 1159,

1175, 1183, 1193 гг.) из Владимирского полихрона начала XIV в., хотя А. А. Шахматов допускал в ИЛ и поздний состав владимирского источника (статьи 1158, 1164, 1166 гг.) [1, с. 73–78]. «Время составления Ипатьевской летописи определяется использованием его как источником Владимирского полихрона начала XIV в. Это XIV век» [1, с. 79], – писал А. А. Шахматов. Видимо, имея в виду сдержанный характер использования в ИЛ церковной информации по сравнению с ЛЛ, А. А. Шахматов отмечал, что переяславский материал, привлеченный в ЛЛ и ИЛ, представлен в них по-разному. Составитель ЛЛ использовал епископскую переяславскую летопись, а составитель ИЛ – княжескую [2].

М. Д. Приселков первым обратил внимание на то, что южнорусское летописание, известное главным образом по ИЛ, является «плохо» исследованным вопросом. И А. А. Шахматов, и М. Д. Приселков главное внимание уделяли изучению источников Киевского свода, первой, по А. А. Шахматову, части ИЛ. Но, если А. А. Шахматов занимался больше исследованием, как сказано выше, начальной части Киевского свода, т.е. ПВЛ, то М. Д. Приселков – второй, т.е. после ПВЛ и до 1199 г. М. Д. Приселков отмечал, что Киевский свод 1198/99 г. от 1118 г. является памятником сложным. В его основании, как и в ИЛ в целом, лежат и основные, и вспомогательные источники. К главным источникам Киевского свода 1198/99 г. М. Д. Приселков и А. А. Шахматов относили Киевский летописец. М. Д. Приселков считал, что Киевский летописец от 1118 г. был написан на основании двух главных источников. Первый кончался описанием княжения и смерти киевского князя Святослава Всеволодовича (до 1173 г.), а второй представлен Летописным сводом с 1173 по 1200 г., в котором прославлялась деятельность киевского князя Рюрика Ростиславича [3, с. 87, 89]. Однако сам М. Д. Приселков оставил основные источники Киевского свода от 1118–1198/99 гг. без рассмотрения, отметив только, что текст киевского летописания в ИЛ выявить трудно «ввиду отсутствия более или менее надежных и достаточных остатков параллельного текста, так как изложение киевских событий XI и XII вв. в Лаврентьевской ведет нас не к киевскому, а к переяславскому (южному) летописанию» [3, с. 87, 89, 93]. Составителем «всей летописной сводной работы 1200 г.», т.е. великокняжеского Киевского свода конца XII в., М. Д. Приселков считал игумена Выдубицкого монастыря Моисея [3, с. 87–88].

Соглашаясь с А. А. Шахматовым в том, что ИЛ является первым великокняжеским летописным сводом, М. Д. Приселков утверждал, что именно это обстоятельство побудило игумена Моисея привлечь к написанию свода другие летописцы «русских» князей. В результате Киевский свод конца XII в. по-

лучил «большое обособление в своем составе». Среди этих вспомогательных источников М. Д. Приселков в первую очередь называл семейную хронику Ростиславичей (статьи 1173, 1174, 1180, 1183, 1185, 1187, 1194, 1197, 1198 и 1199 гг.) [3, с. 88]. М. Д. Приселков был уверен, что семейная хроника Ростиславичей в ИЛ не представляла современных записей об этих князьях, занимавших разные столы Киевского государства (Смоленск, Новгород и др.), а «составлялась как коллекция некрологов, написанных в Киеве в связи с получением князем Рюриком известий о смерти того или другого брата. В этих известиях кратко описывается смерть и некрологи князей: Святослава (1172), Мстислава (1178), Романа (1180) и Давида (1198). По М. Д. Приселкову, семейная хроника Ростиславичей составлялась в Киеве за время княжения там Рюрика [3, с. 88–89].

Другим вспомогательным источником Киевского свода 1198/99 г., по М. Д. Приселкову, стал черниговский Летописец Игоря Святославича, героя похода 1185 г. на половцев, ставшего с 1198 г. черниговским князем после смерти Ярослава Всеволодовича [3, с. 89]. По мнению М. Д. Приселкова, Летописец Игоря прошел в своем развитии ряд этапов. Начат он был при Святославе Ольговиче, отце Игоря, севшем на черниговский стол только к концу жизни (статьи 1148, 1149, 1151, 1165 гг. и др.). Возникший в 40-х гг. XII в. Летописец князя Святослава Ольговича сосредоточивал свое внимание на личности и походах Святослава [3, с. 91]. Однако анализ текста ИЛ, по М. Д. Приселкову, позволяет предположить, что составитель Летописца Святослава Ольговича делал попытки, вероятно в пору княжения Святослава в Чернигове, выйти из рамок личного Летописца этого князя и превратиться в черниговское летописание. М. Д. Приселков обратил внимание на то, что начиная с 1120 г. (статьи 1120, 1123, 1140, 1142, 1143, 1146, 1147 гг. и др.) в ИЛ встречаются известия, касающиеся черниговских князей и епископов, информация о которых не могла входить в задачу Летописца Святослава Ольговича как семейного или личного летописца этого князя. Эти черниговские известия, выходящие за рамки Летописца Святослава Ольговича, кратки, без точных дат, как позднейшие припоминания [3, с. 92–93].

После смерти Святослава его сын Олег, ушедший из Чернигова в Новгород Северский, где он и умер, продолжил отцовский летописец как личный, как Летописец князя Новгорода Северского. Игорь, брат Олега, продолжая Летописец, вел его как князь того же Новгорода Северского, так как черниговским князем он стал лишь в 1198 г. Семейный Летописец князя Святослава Ольговича и его сыновей стал Летописцем Игоря лишь при его княжении в Киеве [3, с. 89–90, 91].

Как и А. А. Шахматов, М. Д. Приселков считал, что заметное место в составлении ИЛ занимали также северо-восточные источники. Но если А. А. Шахматов относил к ним Владимирский свод начала XIV в., который он называл Полихроном и считал первым общерусским митрополичьим сводом, то М. Д. Приселков с ним не был согласен [3, с. 103]. Он пытался доказать, что северо-восточным источником ИЛ стал Владимирский свод первой половины XIII в., который соединил в себе те же слагаемые, что и Владимирский свод 1239 г., а именно Ростовский летописец Константина Всеволодовича и его сыновей и Владимирский свод Юрия Всеволодовича 1228 г. с приписками к нему до 1237 г. [3, с. 146]. Сам М. Д. Приселков специально северо-восточный источник Киевского свода 1198/99 г. не рассматривал, хотя и попытался проследить этапы летописания в Ростово-Суздальском крае. Сравнивая северо-восточные источники ЛЛ и ИЛ, он отмечал, что ЛЛ «хранит в себе момент слияния текстов ростовского летописания с владимирским, относимый к середине XIII в.». ИЛ «воспользовалась для пополнения своих южных известий северными, таким ростово-суздальским сводом, где слияние текстов ростовского и владимирского летописаний было выполнено хотя и близко к Лаврентьевскому тексту, но иначе» [3, с. 104].

Вспомогательным источником при составлении Киевского свода 1198/99 г. М. Д. Приселков называл также княжеский Летописец Переяславля Южного Владимира Глебовича. Заканчивался этот летописец описанием смерти князя Владимира (1187 г.) и по содержанию своему был повествованием о военных подвигах этого князя в борьбе с половцами [3, с. 89]. Историк считал, что княжеский Летописец Переяславля Русского в целом представлен в Киевском своде, сохранившемся в составе ИЛ, «хорошо» [3, с. 112]. Сравнивая заимствования из Летописца Переяславля Южного в ЛЛ и ИЛ, как и А. А. Шахматов, М. Д. Приселков пришел к выводу о том, что в отличие от ИЛ ЛЛ использовала не княжеский Летописец Переяславля Южного, а епископский. Именно этой особенностью использования составителями ЛЛ и ИЛ переяславских известий он объяснял разницу в текстах этих двух летописных сводов, а также их хронологическую разницу с 1118 до 1187/88 г. [3, с. 113–116]. Суждение историков о том, что ЛЛ есть сокращение ипатьевского повествования М. Д. Приселков считал ошибочным [3, с. 116].

Касаясь галицко-волынских источников ИЛ, М. Д. Приселков писал, что Галицко-Волынская летопись, составляющая третью часть свода, «имела свое особое начало, из которого до 1203 г. ряд отдельных известий включен в текст Киевского свода 1200 г.» [3, с. 286–290]. Первой статьей, попавшей в

ИЛ от 1118 до 1199 г. из галицко-волынских источников, М. Д. Приселков называл статью 1141 г., после которой галицко-волынские известия тянутся до конца Киевского свода (статьи 1144, 1145, 1164, 1187, 1188, 1189, 1190 и 1197 гг.) [3, с. 291]. Анализ галицко-волынских повествований в составе ИЛ привел М. Д. Приселкова к выводу о том, что «галицко-волынское летописание развивалось самостоятельно, без подражания киевской летописной манере, а скорее следуя византийской придворной историографии» [там же].

Отталкиваясь от того факта, что ИЛ заканчивается Галицко-Волынской летописью, которую М. Д. Приселков называет вторым главным источником ИЛ от ПВЛ и до 1199 г., исследователь делал вывод о том, что и окончание всего свода следует относить к 90-м гг. XIII в. [3, с. 290].

В 1947 г. вышла книга Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение». В целом работа имеет обобщающий, научно-популярный характер. Д. С. Лихачев выделил в составе ИЛ три составные части. К первой он отнес ПВЛ, близкую к третьей редакции и доведенную до 1117 г. Вторая часть, по Д. С. Лихачеву, охватывает события 1118–1199 гг. Ученый согласился с А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым в том, что вторая часть ИЛ представляет собой свод конца XII в., составленный в 1200 г. в Выдубицком монастыре в Киеве [4, с. 432]. «Третья часть ИЛ доводит повествование до 1292 г. и представляет собой в основном галицко-волынскую летопись с привлечением некоторых ростово-суздальских летописных статей», – писал Д. С. Лихачев. Он еще раз подчеркнул, что основными списками ИЛ являются Ипатьевский и Хлебниковский и, по определению М. Д. Приселкова, оба восходят к Южно-русскому летописному своду конца XIII в., а по определению А. А. Шахматова, к XIV в. Сам Д. С. Лихачев был склонен считать мнение М. Д. Приселкова более правильным [там же]. Это мнение в настоящее время является господствующим.

Касаясь содержания второй части ИЛ, Д. С. Лихачев особенно выделяет в нем личные и родовые летописцы князей, летописные повести о княжеских преступлениях, новгородское и общерусское владимирское летописание. Д. С. Лихачев не изучал историю заимствований из летописей разных земель в составе ИЛ с 1118 до 1199 г., а показал это на отдельных примерах. Так, признавая, вслед за М. Д. Приселковым, родовой летописец Игоря Святославича, а также летописцы отца Игоря Святослава Ольговича и брата Игоря Олега Святославича, вошедшие в состав летописца Игоря Святославича, Д. С. Лихачев признал черниговское летописание XII в. Опираясь на текст ИЛ, он подчеркнул, что летописец Игоря Святославича, как он представлен в Киевском своде

конца XII в., является самым обширным из всех личных, семейных и родовых летописей XII–XV вв. [4, с. 181–184]. Ученый относил также к черниговскому летописанию в ИЛ известия о черниговских князьях и епископах 1120, 1123, 1140, 1142, 1143 и других годов [4, с. 185]. Как А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев признавал существование летописей Переяславля Русского. Но он подчеркивал, что в составе ИЛ в отличие от ЛЛ переяславские летописи были переработаны сторонниками черниговских Ольговичей. В качестве примеров Д. С. Лихачев называл статьи 1136, 1138, 1139, 1140, 1141, 1142, 1146, 1151, 1154, 1155, 1159 и следующих годов [4, с. 186–189]. Он соглашался с мнением М. Д. Приселкова о том, что летописец Игоря Святославича был задуман как летописный свод с широким политическим горизонтом, как обширный летописный свод общерусский по идее [4, с. 189].

Д. С. Лихачев признал также, что во второй части ИЛ, т.е. в Киевском своде конца XII в., имеется ряд заимствований из Галицко-Волынской летописи. По Д. С. Лихачеву, как и по М. Д. Приселкову, это записи, содержащиеся в ИЛ в статьях 1141, 1144, 1145, 1164, 1187, 1188, 1189, 1190 и 1197 гг. [4, с. 432]. Вместе с тем исследователь высказал сомнение о времени включения галицко-волыньских известий в состав ИЛ. Он писал: «Неясно, были ли эти известия включены уже в свод 1200 г., или они представляют собой позднейшие вставки, сделанные составителем южнорусского свода конца XIII в.» [там же].

На примере анализа текста летописных обличительных повестей о княжеских преступлениях, содержащихся в ИЛ, Д. С. Лихачев доказывал наличие разных слоев в составе Киевского свода конца XII в. Так, при рассмотрении повести об убийстве Игоря Ольговича, Д. С. Лихачев выделил три версии таких повестей, взятых летописцем из трех источников. Первая версия – черниговская – пытается представить Игоря святым. Повесть датирована 1150 г. В основе ее лежит житие Игоря. Вторую версию Д. С. Лихачев назвал переяславской. Она имеет примирительный характер. Третья версия – киевская – оправдывает Изяслава Мстиславича [4, с. 219–225].

В Повести о клятвopеступлении Владимирки Галицкой Д. С. Лихачев при описании событий конца 40-х – начала 50-х гг. XII в. также обнаружил несколько слоев. Самым поздним слоем Д. С. Лихачев считал слой галицких известий, восходящих к Галицкой летописи, которая была присоединена уже в XIV в. К слою XIII в. ученый относил владимироростовские летописные известия. Далее он отметил слой известий летописей Переяславля Русского, который виден при сравнении ИЛ с ЛЛ, затем слой черниговских известий. Если все эти слои отделить, то, по мнению Д. С. Лихачева, останется материал,

ведущий к киевскому летописанию. Но и эти киевские известия не однородны. Редакторская правка ведет к большей славе Ростислава. Из этого следует, что в данном рассказе содержится летописец киевского князя Ростислава (1154–1155) (1159–1167). Д. С. Лихачев предполагал, что летописец Ростислава был составлен его игуменом Поликарпом. Если все эти позднейшие слои отделить, то, по Д. С. Лихачеву, останется самостоятельный рассказ, касающийся взаимоотношений киевского князя Изяслава и галицкого князя Владимирки (1144–1152) [4, с. 226–233].

Особый интерес представляют главы 11 и 14, посвященные новгородскому и общерусскому владимирскому летописанию. В них Д. С. Лихачев не только касается истории летописания названных земель, но и пытается определить причины и степень религиозно-церковного характера летописных записей XII в. Он писал: «Подобно тому, как сам Владимир Мономах передал свое летописание князю Выдубицкому монастырю, – князья владимирские поручали выполнение своих летописных сводов клирошанам основанного Андреем Боголюбским Успенского собора во Владимире. Это обстоятельство наложило отпечаток церковности на все владимирское великокняжеское летописание. Политические идеи Андрея Боголюбского осмыслились по-церковному и оформлялись в стилистической традиции житийной и церковно-учительной литературы» [4, с. 277].

Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что после того, как Андрей Боголюбский перевез из Киева во Владимир знаменитую икону Божьей матери, написанную по легенде евангелистом Лукой, то во Владимире установилось особое почитание Богоматери. Ей стали ставить храмы, организован новый праздник – Покрова св. Богородицы. Владимирской иконе было посвящено особое литературное произведение – Сказание о ее чудесах. Этими фактами Д. С. Лихачев объясняет то, что летопись времени А. Боголюбского строилась как цепь чудес Богоматери. Он писал: «Летописцы стремились доказать, что Владимир и владимирские князья находятся под особым покровительством Богоматери, что все счастливые события в современной им русской истории являлись следствием вмешательства в земные дела Бога и его матери» [4, с. 278]. По Д. С. Лихачеву, настойчивое восхваление Богородицы начинается в летописи примерно с 1160 г. – года построения во Владимире собора Успения Богоматери, подробно описанного в ЛЛ в статьях 1164, 1168, 1169, 1171 и 1172 гг. [4, с. 278].

Вместе с тем Д. С. Лихачев относился к церковным вставкам в летописях осторожно, критически. Например, анализ летописных повестей о княжеских преступлениях XII в. в составе ИЛ позволил ему высказать предположение об их «позднейшем оцерковлении». Д. С. Лихачев писал по этому поводу: «Как

своеобразные дипломатические отчеты эти повести полны юридической, военной и феодальной терминологии своего времени. Это чисто светская литература, иногда только подвергавшаяся позднему оцерковлению» [4, с. 216].

В 1963 г. вышла работа Н. Г. Бережкова, посвященная изучению хронологии русского летописания. Глава третья работы содержит хронологический комментарий к ИЛ, точнее к ее части от 1118 до 1198/99 г. [5, с. 124–211]. Хронологические сбои, встречающиеся в ИЛ, Н. Г. Бережков прежде всего объяснял включением в основной текст ИЛ, представленный южнорусскими источниками, информации из летописных сводов других волостей Русской земли.

Н. Г. Бережков поддержал мнение А. А. Шахматова о том, что ИЛ является южнорусским летописным сводом начала XIV в. Его основание составили южнорусские источники, среди которых главное место занимает Киевский свод конца XII в. Южнорусскими по происхождению, т.е. по месту записи, Н. Г. Бережков называл, по существу, все статьи ИЛ. Анализ содержания статей внутри выделенных исследователем хронологических полос привел его к выводу о том, что в ИЛ содержится информация, позаимствованная сводчиком не только из Киевской летописи, но и из следующих источников: переяславского (6631–6632; 6642; 6657 – начало 6658; 6695–6696), черниговского (6631; 6651; 6656; 6657; 6672; 6674; 6682; 6684; 6694; 6706), галицко-волыннского (6652; 6657 – начало 6658; 6658 – начало 6659; 6660; 6672; 6673; 6678; 6681; 6691; 6695; 6696; 6697; 6698), владимири-волыннского (6680; 6681), владимири-суздальского, новгородского.

Новгородское летописание, по Н. Г. Бережкову, впервые в ИЛ просматривается в статье 6643 ультрамартовского года, отражающего события 6642 (1134/35) мартовского года. В этой статье, по Н. Г. Бережкову, соединены события южнорусского и новгородского происхождения [5, с. 135–136]. Кроме того, новгородские известия есть в статье 6646 ультрамартовского года. Они даны в этой статье впереди южнорусских [5, с. 137–138]. Информация о новгородских событиях в ИЛ есть также в статье 6647 ультрамартовского года. В следующей группе статей, которые Н. Г. Бережков относит к группе мартовских годов: 6649–6664 (1141/42–1156/57), новгородские события записаны в статье 6649 мартовского года. Причем, по замечанию Н. Г. Бережкова, новгородские известия даются в этой статье как ее часть, т.е. частично, а также «частью между южнорусскими известиями» [5, с. 143–144]. «Конец целого цикла» новгородских известий в ИЛ, по Н. Г. Бережкову, относится к статье 6650 (1142/43) мартовского года. Отдельные новгородские сообщения Н. Г. Бережков отмечал также в статьях 6662 (1154/55), 6664 (1156–

1157), 6688 (1180/81), 6689 (1181/82), 6704 (1196/97) мартовских годов и в статьях 6681 (1170/71), 6704 (1195/96) ультрамартовских годов [5, с. 157, 167, 188, 200–201, 207–208].

Бесспорным источником ИЛ, по Н. Г. Бережкову, были владимирские своды последней четверти XII в. и начала XIII в. [5, с. 151–155]. Первый раз суздальские известия Н. Г. Бережков зафиксировал в ИЛ в статье, обозначенной 6657 (1149/50) – началом 6658 (1150/51) мартовскими годами. Два больших заимствования из владимирского источника сводчик ИЛ включил, по Н. Г. Бережкову, в статью 6680 (6678:1170/71) мартовского года. Из владимирского источника в ИЛ включены, по Н. Г. Бережкову, сведения в статьи 6666, 6667, 6668, 6669, 6672, 6674, 6680, 6681, 6682, 6683, 6684, 6685, 6689, 6191, 6700 гг. [5, с. 162, 163, 164–166, 169, 170–171, 172–173, 176, 177, 182, 184, 188, 189, 190, 191–193, 194, 201, 201–202, 206]. Ученый отмечал при этом статьи, в которых содержится только информация, позаимствованная из владимирского источника, и статьи, в которых она содержится частично (6669, 6674, 6681, 6682, 6683, 6684 гг.).

Н. Г. Бережков отмечал также в своей работе факт присутствия в ИЛ сообщений, относящихся к событиям Полоцкой земли (6665, 6659, 6703), Смоленской земли (6683, 6688, 6703), Туровской земли (6703 под буквой «б»), а также Юрьевской (6630) и Муромской (6682 под буквой «з») [5, с. 193, 200–201, 207]. В статьях 6680 («д») и 6693 гг. Н. Г. Бережков выделял новгород-северские известия [5, с. 193, 202–203].

Реконструировать текст киевского источника общерусских сводов второй половины XV в. попытался А. Н. Насонов. Он сделал это на примере Московского летописного свода 1479 г. [6, с. 255–266, 275–302]. Путем извлечения из текста Московского свода известий некиевского содержания А. Н. Насонов, как он писал, получил «очищенный текст южнорусского свода... точнее – фрагменты, извлеченные составителем Московского летописного свода, входящие к южнорусскому источнику». «Сравнение с Ипатьевской летописью показывает, что перед нами текст киевского свода. Основная часть текста почти дословно обнаруживается в Ипатьевской летописи», – писал ученый [6, с. 288]. Текст южнорусского источника Московского свода А. Н. Насонов нашел под годами: 6626, 6627, 6628, 6629, 6630, 6631, 6632, 6637, 6646, 6652, 6654, 6655, 6656, 6657, 6658, 6659, 6660, 6662, 6663, 6664, 6665, 6666, 6667, 6668, 6669, 6670, 6671, 6672, 6673, 6674, 6675, 6676, 6678, 6704 [там же]. А. Н. Насонов не сделал специального, построчного сравнения южнорусского, именно киевского, источника Московского летописного свода 1479 г. с ИЛ, но высказал ряд ценных наблюдений.

Во-первых, историк отметил, что в ИЛ южнорусский (киевский) источник представлен чаще, чем в

Московском своде. Он объяснял это тем, что в Московском летописном своде «систематически выбрасывалось то, что представлялось лишним», что обнаруживало «определенную направленность мысли, целеустремление» сводчика [6, с. 288, 293–294, 300–302]. Во-вторых, А. Н. Насонов отмечал, что в Московском своде есть такие статьи, которых нет в ИЛ. По А. Н. Насонову, составитель ИЛ, используя аналогичный южнорусский источник, что и составитель Московского летописного свода 1479 г., также брал из него определенные выдержки. В-третьих, А. Н. Насонов допускал, что текст киевского источника в Московском своде представлял редакцию, местами отличавшуюся от дошедшей до нас ИЛ [6, с. 293].

Вспомогательные источники ИЛ, именно Летописец Переяславля Южного и Северо-Восточные источники, А. Н. Насонов рассмотрел при изучении источников ЛЛ, сравнивая ее текст с текстом ИЛ. Поскольку ясно, что ряд киевских событий в ЛЛ излагался по переяславской летописи, то А. Н. Насонов поставил перед собой два вопроса: во-первых, ученый решил выяснить, как переяславское летописание соотносилось с киевским; во-вторых, был ли у Киевского свода конца XII в., который лежит в основе ИЛ при изложении тех же киевских событий, о которых идет речь в ЛЛ, и у «переяславских сводов» общий киевский источник [6, с. 81, 82]. Чтобы ответить на поставленные вопросы, А. Н. Насонов сравнил статьи 1136, 1138, 1141, 1142 и 1148 гг. в ЛЛ и ИЛ, в которых прослеживается разное отношение к Ольговичам – отрицательное в ЛЛ в отличие от ИЛ. Отмеченную разницу в изложении событий А. Н. Насонов объяснил тем, что в результате обработки Киевского свода XII в. (общего с ИЛ) переяславским источником ЛЛ или потеряла ряд известий об Ольговичах, или составитель переяславских сводов, когда пользовался первоначальным киевским текстом, мог заменить отдельные места вставками из других источников, например черниговских или смоленских. Из этого потом складывался Киевский свод редакции конца XII в., т.е. ИЛ.

Далее А. Н. Насонов сравнил записи, сделанные в Переяславле-Русском, которые дошли в ЛЛ и ИЛ в статьях 6628, 6631, 6633, 6634, 6640, 6641, 6642, 6646, 6649, 6650, 6654, 6656, 6665, 6668–6677, 6680, 6691, 6693, 6694, 6695 гг. [6, с. 83–86]. Сравнительный анализ статей привел А. Н. Насонова к выводу о том, что переяславский летописный материал был использован в Киевском своде конца XII в., т.е. ИЛ, не полно, а как вспомогательный источник и за исключением известий о смерти переяславских князей и записи о победе над половцами в статье 6680 г. сокращался [6, с. 87].

Сравнительный анализ статей ЛЛ и ИЛ 6626, 6627, 6628, 6630, 6631, 6632, 6635, 6637, 6638, 6639,

6644, 6647, 6648, 6650–6652, 6653, 6655–6656, 6657–6658, 6658–6659, 6660, 6661, 6662–6664, 6667, 6679, 6683 гг., проделанный А. Н. Насоновым [6, с. 87–97], привел его к ряду выводов. Во-первых, он доказал, что киевские записи в ИЛ отражены полнее, чем в ЛЛ. Киевский свод в ЛЛ отразился сильно, но не так, как в ИЛ. Во-вторых, если допускать существование переяславских сводов, то «надо считать, что они строились в значительной мере на киевском материале, который подвергался в Переяславле обработке, что зависимость переяславского летописания от киевского усиливалась, когда политическая ситуация теснее связывала Переяславль-Русский с Киевом» [6, с. 97–99]. В-третьих, в ИЛ сокращены переяславские записи, тогда как в ЛЛ они полнее. Это объясняется тем, что в ЛЛ киевский источник попал в составе летописного свода Переяславля-Русского. С 6667 г. места, совпадающие в ИЛ и ЛЛ, объясняются заимствованием их из переяславского свода в киевский, а не наоборот [6, с. 96, 97]. Все вместе взятое дало основание А. Н. Насонову сказать о том, что переяславские составители использовали более раннюю редакцию киевского текста, которая использовалась составителем ЛЛ и отличалась от редакции, которая использовалась составителем ИЛ. Этим можно объяснить примеры расхождений, встречающиеся в ЛЛ и ИЛ [6, с. 101].

Касаясь черниговских источников ИЛ, А. Н. Насонов не согласился с мнением М. Д. Приселкова, считающего, что киевский сводчик конца XII в. делал извлечения из черниговской летописи Игоря Святославича. По А. Н. Насонову, составитель ИЛ мог использовать черниговскую летопись Святослава Ольговича [6, с. 99–107]. А. Н. Насонов отметил также факт присутствия отдельных записей о событиях в Черниговской земле (в Чернигове, Новгород-Северском) в ИЛ до 90-х гг. XII в., чего нельзя сказать о ЛЛ.

Интересное суждение А. Н. Насонов высказал о галицко-волынских источниках Киевского свода конца XII в. Согласившись с А. А. Шахматовым в том, что у Ипатьевского и Хлебниковского списков ИЛ были разные протографы, А. Н. Насонов считал, что оба списка имели общий юго-западный оригинал [6, с. 228]. Историк предполагал, что этот оригинал составлялся в Турово-Пинском княжестве, так как последние, заключительные статьи ИЛ относятся не к галицко-волынским князьям, а пинско-туровским, именно к пинскому князю Юрию, родоначальнику острожских князей. Соединение свода Рюрика Ростиславича 1198/99 г. с юго-западным источником, по А. Н. Насонову, «могло произойти в Пинске, но скорее во Владимире-Волынском с признаками работы при владимири-волынском епископе собора святой Богородицы» в княжение Мстислава [6, с. 233–235].

Таким образом, Киевский свод конца XII в. в составе ИЛ является сложным по составу памятником. В его основании лежат разные исторические источники как по месту их составления, так и по времени их попадания в летопись.

А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев, Н. Г. Бережков и А. Н. Насонов выделяли основные и вспомогательные источники летописного свода 1198/99 г. А. А. Шахматов лишь обозначил основные направления в изучении источниковой основы Киевского свода. Последующие исследователи пытались выделить в нем составные части, выяснить их происхождение и время появления в составе ИЛ. Были высказаны разные суждения, в том числе не всегда согласные друг с другом. При этом нельзя сказать, что в споре была достигнута истина. Содержание ИЛ, в том числе ее второй части, продолжает вызывать множество вопросов. Одним из них остается вопрос о религиозно-церковной информации свода. В общих чертах она была затронута в трудах М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева и А. Н. Насонова, но никто из ав-

торов не попытался охарактеризовать эту информацию, изучить историю ее происхождения и время включения в летописный свод.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 371 с.
2. *Шахматов А. А.* Лаврентьевская летопись (Ипатьевская летопись) / А. А. Шахматов // Брокгауз и Ефрон. Словарь... – Т. 25.
3. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1996. – 326 с. (Впервые эта книга вышла в 1940 г. в Ленинграде.)
4. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М.; Л.: Наука, 1947. – 492 с.
5. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания / Н. Г. Бережков. – М., 1963.
6. *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века / А. Н. Насонов. – М.: Наука, 1969. – 556 с.

Воронежский государственный университет

*Панова В. И., кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
E-mail: history@mail.ru
Тел.: 8(473) 224-75-14*

Voronezh State University

*Panova V. I., Candidate of the Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department
E-mail: history@mail.ru
Tel.: 8(473) 224-75-14*